

УДК 101.1:316.33

DOI 10.23683/2227-8656.2018.1.7

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ
НОВОГО ВРЕМЕНИ
И ПОСТМОДЕРНА**

**SOCIAL AND
PHILOSOPHICAL ANALYSIS
OF POLITICAL AND LEGAL
INSTITUTIONS IN THE NEW
TIME AND POSTMODERN**

Равочкин Никита Николаевич

Кандидат философских наук, доцент
кафедры гуманитарно-правовых дисциплин,
Кемеровский государственный
сельскохозяйственный институт,
г. Кемерово,
e-mail: ideologie@mail.ru

Nikita N. Ravochkin

Candidate of Philosophical
Sciences,
Associate Professor,
Kemerovo State Agricultural Institute,
Kemerovo,
e-mail: ideologie@mail.ru

В статье проведен социально-философский анализ сущности политических и правовых институтов в эпоху Нового времени и постмодерна, в ходе проведения обнаруживаются кардинальные перемены в их функциональном назначении и восприятии. Автор демонстрирует, что если в классической философии функционирование политико-правовых институтов опиралось на принуждение и применение непосредственного насилия, то в реалиях постмодерна властные полномочия реализуются через манипуляцию и симулякры. В заключение статьи делается вывод о том, что, несмотря на процессы, приведшие к антиценностному восприятию данных институтов, практика полного отказа от политико-правовых институтов выглядит малоперспективной.

In the article social and philosophical analysis of the essence of political and legal institutions in the era of the New Time and Postmodern has been carried out. In the course of the implementation, cardinal changes in their functional purpose and perception are revealed. The author demonstrates that if in classical philosophy the functioning of political and legal institutions was based on coercion and the use of direct violence, then in the realities of Postmodern power authority is realized through manipulation and simulacra. The conclusion of the article concludes that, despite the processes that led to the anti-value perception of these institutions, the practice of completely abandoning political and legal institutions looks unpromising.

Ключевые слова: власть, политика, право, политические и правовые институты, симулякр, манипуляция, постмодерн.

Keywords: power, politics, law, political and legal institutions, simulacrum, manipulation, Postmodern.

Введение

Говоря о назначении политических и правовых институтов, отмечаем, что речь, прежде всего, идет о том, какова функция, которую они выполняют в том или ином обществе. В философии, равно как и в других областях знания, занимающихся исследованиями сущности и инструментальной ценности политических и правовых институтов, имеется несколько равнозначных подходов к решению обозначенного вопроса. В первую очередь необходим анализ того, что является предметом и лежит в основе различных политических и правовых отношений, в которые вступают субъекты. Проще говоря, мы обращаем внимание на необходимость проведения анализа неотъемлемой для этих институтов характеристики, а именно понятия «власть». Сущность понятия «власть» этимологически происходит от латинского глагола *potere* («быть способным»), от которого проистекает понятие *potentia* как возможность некоторого предмета / вещи воздействовать на другой предмет / вещь. При этом необходимо помнить, что Цицерон в своих работах принципиально развел понятия «власть» и «властные полномочия», отдавая первое понятие народу, а второе – сенату как политическому органу.

Природа власти

Кроме того, важно отличать содержание понятия «власть» от содержания понятий «насилие» и «принуждение». Причиной такого утверждения можно считать тот факт, что власть, как указано выше, является способностью оказывать влияние на любой феномен мира, будь то предмет или человек. Изначально под властью понимаем способность политических и правовых институтов поддерживать определенный уровень баланса во внутригрупповых отношениях во благо общества. И неважно, какое это общество – первобытное или современное. Применительно к первому обозначим минимум такой способности – выживание, а применительно ко второй укажем на недостижимый максимум – способность поддерживать внутреннее равновесное положение всех общественных систем. Сила, по мнению Д.В. Косенко, является одной из «предпосылок возникновения властной агрессивности, что делает власть способной эффективно функционировать» [4]. По большому счету это означает, что власть как потенция

переходит в актуальность с помощью насилия. Это позволяет обладающим властными полномочиями субъектам реализовать силу и перевести власть из «возможности» в «актуальное» воздействие в виде влияния на любого социального субъекта. Такой переход от потенциального к актуальному становится формой необходимого принуждения последнего к определенному действию и есть не что иное, понимание власти согласно классическим представлениям. Фактически такой подход к сущности власти свидетельствует о том, что властный субъект обладает сразу двумя функциями. С одной стороны, это право на влияние, т. е. способность и, самое главное, возможность осуществлять властные полномочия, а с другой – речь идет о том, что любой политический институт или субъект способен применять силу и насилие для реализации собственной возможности осуществления властных полномочий и применения их на практике. Исходя из сказанного, следует: «власть» означает, что конкретный политический или правовой институт способен оказать влияние на определенный социальный институт.

Традиционно в философской мысли Нового времени власть понимается в качестве феномена, выполняющего главным образом созидательную и организующую функции по отношению к социуму. К сторонникам такого определения власти мы относим, например, взгляды представителей популярной теории общественного договора (Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо). В рамках этой теории политические и правовые институты, главным среди которых является само государство, выполняют функцию формирования общества как такового, обеспечивая при этом безопасность живущих в этом государстве граждан. Таким образом, в Новое время государство и его политико-правовые институты сосредотачиваются в основном на функциях ограничителя естественного состояния и жизни человека, что позволяет реализовать чувство безопасности для всех людей. Теория общественного договора принадлежит к классическому либерализму, в котором также утверждается примат естественного права как формы права, исходящего из естественного состояния. Таким образом, формирование правовых институтов в качестве своего основания имеет природное состояние человека в соответствии с обладанием им ряда прав как собственных неотъемлемых свойств. Из сказанного следует, что вопреки общепринятым представлениям о том, что государство и право обладают характеристикой принудительности [5], указанные выше философы при подходе к сущности правовых и политических институтов в большей мере ориентированы на коммуникативную и

консолидирующую функции политических и правовых институтов, что формирует определенного рода отношения в социуме.

Трансформация власти в постмодерне

Постмодернистский дискурс, преобладающий в современной философии, существенно отличается от классического понимания политических и правовых институтов. Этот дискурс обладает собственными определенными исходными положениями, позволяющими иначе взглянуть на содержание и сущность политических и правовых институтов. Как пишет А.Е. Сиушкин: «Главной особенностью политической теории постмодерна можно считать толкование властных отношений как важнейшего коммуникативного элемента современного общества» [5]. Если в рамках классического понимания социального феномена власти предполагается наличие так называемых каналов власти, по которым осуществляется трансляция властных полномочий от власть имущих к объектам властного влияния (подчинение), то в рамках постмодернистской традиции каналы власти трансформируются в систему коммуникативных связей. Здесь мы говорим о том, что власть в философии постмодернизма определяется через призму системы коммуникации, поскольку последняя лежит в основе самой власти.

Ю. Хабермас является одним из основателей коммуникационного понимания власти и политических институтов. Он стремился выйти за пределы отношения субъект – объект политического взаимодействия. В данном случае автор отмечает, что существуют четко выраженные политические субъекты, будь то лидер или иные институты, которые осуществляют властное воздействие на множество социальных субъектов, подчиненных им. Обе стороны четко фиксированы и не могут изменять собственное место в социуме и политике. Для Хабермаса политические институты перемещаются из четко фиксированных мест собственной традиционной локации и приобретают новую локацию в области «координации действий в политико-административной системе» [4]. Здесь речь идет о том, что сама система властных полномочий больше не предполагает необходимости наличия четко фиксированного субъекта властных полномочий как таковых. Должна быть система коммуникации как некоторый порядок взаимодействия и обмена информацией. При этом для трансляции властных полномочий в системе уже вовсе не обязательно использование силы, принуждения и насилия, что характерно для традиционного общества, но иных, альтернативных оснований управления. В основе принципов формирования современных политических и правовых институтов, как и процессов осуществления власти и управления, теперь

лежат другие смыслы: авторитет, репутация, влияние, престиж, ценностные основания.

Фактически можно сделать умозаключение, что властные полномочия перестают фундироваться конкретными политическими и правовыми институтами, которые реализуют личную волю в рамках системы властных полномочий через применение насилия. Власть и институты теряют фундаментализм и в значительной степени приобретают свойство консенсуса, т. е. соглашения. Уместным при анализе сущности подхода Хабермаса будет привести такую реплику: «Сгенерированные формы коммуникации, такие как ценностные приверженности, и влияние требуют перлокутивных актов и в силу этого ориентации на взаимопонимание, остаются подчиненными использованию языка. Управленческие медиумы, такие как деньги и власть, реализовывают интеракции путем интервенции (вовлечения) в ситуацию другого через перлокутивные эффекты» [4]. Коммуникативные основания властных полномочий постепенно размывают традиционные основы политических и правовых институтов, которые постепенно трансформируют свой привычный механизм осуществления власти. Отныне властные полномочия реализуются на основании конвенциональных актов, которые по своей сути не имеют столь серьезных фундаментальных оснований принуждения и связей внутри самих институтов.

Одним из последствий технического развития общества стала трансформация властных отношений в область сигнификации властных полномочий. Властные полномочия в философии М. Фуко понимаются как субъект производства. По своей сути, они интенциональны и конститутивны и выражают собственную сущность исключительно в действии в виде творения социальных групп и индивидов и направленности на них [2]. В этом смысле работы Фуко, посвященные исследованию изменения властных отношений, могут быть отнесены к науке об отголоске примитивного мышления к контролю над индивидом, т.е. политической анатомии [2]. Любые властные отношения в идеях М. Фуко строятся в рамках современной эпистемы на основании (взаимо-)конструирования субъектов власти в системе символической власти в отношении власть – знание. Тот, кто обладает знанием, получает возможность конструировать себя, другого, отношения с другими [6]. Именно поэтому современное «текущее» общество требует от каждого, кто вступает в систему социальных связей и отношений, определенного знания, понимания. Властные отношения в современном обществе, согласно воззрениям Фуко, перетекают в область знания, информации и умения находить и пользоваться информацией.

Идея паноптикона, применяемая по мысли Фуко в области всех социальных связей и отношений, в том числе и политических отношений, приводит у наблюдаемого к ощущению контроля над его действиями. Важно именно осознание подконтрольности субъекта, который подвергается подчинению через дисциплинирование в системе властных отношений. Из этой идеи М. Фуко делает вывод о том, что возникает возможность ложности наблюдения как действия, появляется возможность симуляции как самого наблюдения и контроля над наблюдаемым, так и симуляции всего, что только возможно симулировать. Политические и правовые институты могут просто не существовать, они могут стать своего рода симулякром. Под которым мы понимаем ложный знак, заменяющий что-либо реальное; сконструированный привлекательный символический объект, ориентированный на удовлетворение желаний потребителя; ложное подобие, функционирующее в обществе как его заменитель.

Сообразуясь с таким подходом, отметим, что политические и правовые отношения в современном обществе вообще могут быть реализованы в полной мере через практики симуляции. Реализация властных полномочий через симулякры становится возможной благодаря тому, что понятие «потребление» как базовое для ряда современных обществ (например, потребления) сводит сложные социокультурные процессы к эксплуатации утилитарных человеческих потребностей. Оно не имеет ничего общего с удовольствием, являясь по своей сути принудительным социальным институтом, который детерминирует типы поведения еще до того, как тип поведения будет воспринят сознанием социального субъекта и отрефлексирован [3].

Сфера управления обществом перемещается из области принуждения и непосредственного насилия в область рекламы и маркетинга. Реклама отбрасывает риторику действительной референции товара в пользу эквилибристики абстрактными знаками [3]. В своем пределе вещь становится гаджетом – штучкой, которая, по своей сути, приобретает смысл и содержание чистой расточительности, прикрытой практической моралью. Потребление в обществе с соответствующим ему названием становится социокультурным феноменом, который используется для манипуляции не только политическими, но и правовыми институтами. Основанием для осуществления властных отношений в части потребления выступает принуждение к удовлетворению в публичной сфере, что реализуется за счет давления через общественное мнение.

Одним из методов реализации властных полномочий является персонализация. Человек реализует себя не как неуничтожимая ценность, а через функционал множества вещей и предметов. Он становится своего рода совокупностью функций, которые используются в обществе для создания множества знаков и подчеркивания отличий [1]. Грим и мейкап теперь являются основанием для формирования сущности объекта властных полномочий. Возникает система симулякров натурального. Различия между индивидами больше не противопоставляют их друг другу, но иерархизируют и сближают их в соответствии с бесконечной лестницей и при помощи моделей. Будучи знаком, симулякр способен имеет инструментальную ценность и при осуществлении власти. В основу политического и правового институционального устройства также закладывается зависимость того, как симулякры сочетаются между собой, как производятся, комбинируются и воспроизводятся. На этот счет Ж. Бодрийяр пишет: «Дифференцировать – значит сближаться с моделью, определять себя в зависимости от абстрактной модели, от модного скомбинированного образа и в силу этого отказываться от всякого реального различия, от всякой единичности, которая может развиваться только в конкретном конфликтном отношении к другим и к миру» [1].

Формирование потребительских предпочтений сегодня предстает средством прагматического осуществления межличностного взаимодействия, а культурные объекты могут быть рассмотрены как определенный фетиш, «который позволяет своему владельцу поддерживать свое положение» [1]. Система потребления основана на бессознательном механизме интеграции и регуляции, основанной на кодексе знаков – системе различий. Потребление устраняет социальную опасность тем, что подчиняет персон неосознанной дисциплине кодекса и сознательной кооперации на уровне этого кодекса, заставляя людей принимать правила кодекса. Так формируется один из методов манипуляции человеком и власти над ним – через апелляцию к персональному нарциссизму. Его реализация осуществляется через любование своей принадлежностью к знаку, социальной группе избранных. Симулякр позволяет реализовать властные полномочия, заставляя видеть в человеческом теле самый прекрасный объект потребления. Человек начинает стремиться к формированию определенного тела не потому, что это прекрасно, а по той причине, что это модно и позволяет удовлетворить базовые потребности человека.

Дробление как форма коммуникации, осуществляющая разбиение на части, становится еще одним методом реализации властных от-

ношений и манипулятивных практик. Такая практика может трактоваться как своего языковая игра: основная информация, предназначенная для клиента, помещается в конце с тем, чтобы он сначала воспринял рекламный образ, а уже потом предназначенную для него информацию. Из этого следует, что властные полномочия становятся своего рода фикцией, отсутствующей структурой, подделкой, симуляцией. В общем-то, если мы в соответствии с данной логикой будем рассматривать сущность политических и правовых институтов, окажется, что сами политические и правовые институты становятся такими же симулякрами, как и властные отношения. Субъектов власти в полном смысле этого слова больше не существует, но они и не отсутствуют.

Здесь подразумеваем, что не существует лишь четко организованного политического субъекта в виде политического института, а властные полномочия переходят в область межличностных, интересубъективных связей, реализуемых через множественные социальные и политические практики. В некоторых социально-философских концепциях под такими практиками понимается способность социальных агентов сообразовывать свои поведенческие акты в соответствии со сложившимся представлением об окружающей действительности или с волей господствующего класса. Следовательно, социальные практики являются «индикатором доступных моделей поведения» для субъектов, своего рода средствами социальной адаптации [7]. По сути это означает, что социальная практика как некоторое действие, исполняемое конкретным актором, становится для него стандартизированным и позволяет провести регламентацию поведения человека и (со)существования в обществе. С другой стороны, под этими практиками можем понимать и множество приемлемых способов поведения человека. Такие способы, на наш взгляд, позволяют конституировать и воспроизводить социальную сущность конкретного субъекта определенных отношений и раскрывать возможные в данной культуре в данный момент истории основные способы его существования. Это означает, что через подобные практики человеку дозволена самореализация.

Заключение

Что касается политических и правовых институтов, мы считаем, что они в зависимости от конкретно-исторической ситуации прекращают свое существование в качестве самостоятельных сущностей, поскольку оказываются неэффективными, а для кого-либо могут (п)оказаться ненужными. Из сказанного следует, что в философии постмодернизма политические и правовые институты превращаются в симулякры. Их фундаментальное существование прекращается, они

становятся своего рода подделкой самих себя. Властные полномочия переходят в область рекламы и маркетинга, что влечет за собой перестройку всего социума и создает принципиально новые методы государственного управления. Вместе с тем такие трансформации в понимании сущности политических и правовых институтов приводят к обесцениванию их сущности. Последнее дает нам основание утверждать, что такое понимание сущности политических и правовых институтов, равно как и практическое применение подобных идей, выглядит малоперспективным. Мы связываем это с невозможностью реализации политических и правовых отношений (в ряде случаев) исключительно через коммуникацию и без обращения властными субъектами к принуждению.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. 269 с.
2. *Дикон Р.А.* Производство субъективности // Логос. 2008. № 2 (65). С. 21–64.
3. *Корнеев В.В.* Феноменология потребления // Ползуновский вестник. 2005. № 3. С. 205–209.
4. *Косенко Д.В.* Рационализация политической власти демократических обществ теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса // Вестник Российского университета дружбы народов. Политология. 2013. № 4. С. 98–106.
5. *Сиушкин А.Е.* Анализ власти в политической теории постмодерна // Наука. Общество. Государство. 2014. № 2 (6). С. 80–87.
6. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. 480 с.
7. *Шугальский С.С.* Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.

References

1. *Bodriyyar Zh.* Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury. M., 2006. 269 p.
2. *Dikon R.A.* Proizvodstvo sub"ektivnosti // Logos. 2008. № 2 (65). P. 21–64.
3. *Korneev V.V.* Fenomenologiya potrebleniya // Polzunovskiy vestnik. 2005. № 3. P. 205–209.
4. *Kosenko D.V.* Ratsionalizatsiya politicheskoy vlasti demokraticheskikh obshchestv teorii kommunikativnogo deystviya Yurgena Khabermasa // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Politologiya. 2013. № 4. P. 98–106.
5. *Siushkin A.E.* Analiz vlasti v politicheskoy teorii postmoderna. Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2014. № 2 (6). P. 80–87.
6. *Fuko M.* Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. M., 1999. 480 p.
7. *Shugal'skiy S.S.* Sotsial'nye praktiki: interpretatsiya ponyatiya // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 2. P. 276–280.

Поступила в редакцию

5 января 2018 г.